

Тимоти Гартон Эш

ИСЛАМ В ЕВРОПЕ¹

Ian Buruma. *Murder in Amsterdam: The Death of Theo van Gogh and the Limits of Tolerance*. New York, NY: The Penguin Press, 2006.

Ayaan Hirsi. *The Caged Virgin: An Emancipation Proclamation for Women and Islam*. New York, NY: Free Press, 2006.

1

Недавно я побывал в знаменитой базилике Сен-Дени в предместье Парижа. Я был восхищен величественными могилами и надгробными памятниками королям и королевам Франции, включая Карла Марте́ла («Молота»), одержавшего победу над мусульманскими армиями в битве при Пуатье в 732 году и тем самым предотвратившего исламизацию Европы.² Покинув базилику, я пересек площадь Виктора Гюго и вышел к главной торговой улице, заполненной местными покупателями арабского и африканского происхождения, в том числе множеством женщин, носящих хиджаб. Я поймал себя на мысли: мусульмане, в конце концов, все же выиграли битву при Пуатье! Выиграли не силой оружия, а мирной иммиграцией и плодovitостью.

Неподалеку от базилики королей у входа в ассоциацию «Таухид» я встретил Абдельазиза Ильяхари, потомка берберо-марокканских иммигрантов и яркого мусульманского политического активиста. Он горячо, на превосходном французском, рассказывал о нищете пригородов Парижа, которые во время нашего разговора вновь были охвачены выступлениями протеста, и о хронической социальной дискриминации иммигрантов и их детей. Так называемая «республиканская модель» Франции, говорил он, чеканя слова, на деле означает: «Я говорю по-французски, меня зовут Жан-Даниэль, и у меня голубые глаза и светлые волосы». Если тебя зовут Абдельазиз, у тебя темная кожа и вдобавок ты мусульманин, то в этом случае французская республика не следует тому, что она декларирует. «Какое может быть равен-

1. Timothy Garton Ash, «Islam in Europe,» *The New York Review of Books*, 2006, Vol. 54, No. 15.

2. 732 год — общепризнанная дата, хотя двое французских ученых утверждают, что битва на самом деле произошла в 733 году; см.: J. H. Roy and J. Deviosse, *La Bataille de Poitiers — Octobre 733* (Paris: Gallimard, 1966).

ство для нас? — вопрошал он. — Какая свобода? Какое братство?» А затем он передал личное послание Николя Саркози, жесткому министру внутренних дел и главному кандидату в президенты от правых после Ширака, произнеся слова, которые я никогда не забуду. «Moi, — сказал Абдельазиз Ильяхари звонким голосом, — moi, je suis la France!»

И он мог бы добавить: l'Europe. Глубокое отчуждение многих мусульман, особенно второго и третьего поколения иммигрантских семей, молодых мужчин и женщин, родившихся в Европе, — одна из самых неприятных проблем, стоящих перед континентом сегодня. Если все останется по-прежнему, то это отчуждение и подпитывающая его неприязнь белых христианских или постхристианских европейцев могут привести к распаду гражданской ткани самых прочных демократий Европы. Оно уже катализировало рост популистских антииммигрантских партий и во многом способствовало совершению террористических нападений на Соединенные Штаты 11 сентября 2001 года (Мухаммед Атта приобрел свои радикальные взгляды в Европе), взрывам в Мадриде 11 марта 2004 года, убийству голландского кинорежиссера Тео ван Гога 2 ноября 2004 года, взрывам в Лондоне 7 июля 2005 года и предотвращенным британскими властями 10 августа 2006 года попыткам совершить теракты на пассажирских самолетах, направлявшихся из Великобритании в США.

Трудности Европы с ее мусульманами — это также предмет истерического упрощения, особенно в Соединенных Штатах, в которых постепенно укрепляются стереотипы относительно бесхребетной антиамериканской, антисемитской «Евразии», все больше зависимой от арабского / исламского влияния.³ Как житель Евразии, я считаю своим долгом подчеркнуть несколько важных различий. Прежде всего о чем идет речь — об исламе, мусульманах, исламистах, арабах, иммигрантах, темнокожих или террористах? Это семь разных вещей.

Там, где я живу — в Оксфорде, Евразия, — я сталкиваюсь с британскими мусульманами почти каждый день. Все они — выходцы из Пакистана, Индии

3. Впервые использованный в заголовке одного невразумительного журнала термин «Евразия» стал популярным благодаря Бат Йеор (Bat Ye'or, *Eurabia: The Euro-Arab Axis* [Fairleigh Dickinson University Press, 2005]). Основная мысль изложена на обложке книги: «Эта книга посвящена превращению Европы в «Евразию», культурный и политический придаток арабского / мусульманского мира. Евразия по сути своей является антихристианской, антизападной, антиамериканской и антисемитской». Содержащие в себе элементы теории заговора рассуждения госпожи Йеор построены на тайном влиянии организации под названием Евро-арабский диалог.

Вот показательный пример взвешенности ее подхода: «Не ведет ли Европейский Союз скрытую войну против Израиля при помощи своих союзников среди палестинских арабов, пытаясь завершить прерванное дело Холокоста?» Она называет ООН «международным антисемитским трибуналом, стремящимся навязать Израилю статус дхимми [немусульман, живущих в мусульманской стране]». Брюс Бауэр не критически повторяет аргументацию Йеор, говоря, что «Европа может просто постепенно перейти к полному шариату и угнетению дхимми» (Bruce Bawer, in *While Europe Slept: How Radical Islam Is Destroying the West from Within* [Doubleday, 2006]). Несмотря на свое сомнительное прошлое, слово «Евразия» получило окончательное трансатлантическое признание после того, как оно было использовано на обложке *Economist*. См.: *The Economist*, June 24–30, 2006.

или Бангладеш. И все они — более мирные, законопослушные и трудолюбивые британские граждане, чем многие чистокровные англичане моего круга. Как отмечают авторы прекрасного свежего исследования об исламе во Франции, большинство французских мусульман сравнительно хорошо интегрированы во французское общество.⁴ Значительная часть дискриминации, на которую жалуется Абдельазиз Ильяхари и которая существует в различной форме и степени в большинстве европейских стран, в равной мере касается и немусульманских иммигрантов. Это, если можно так выразиться, недискриминационная, не делающая различий дискриминация людей с темным цветом кожи, иностранными именами или акцентами; простой старомодный расизм или ксенофобия, а не более специфический предвзвешенный суждений, который ныне называют исламофобией.

На европейском континенте имеется множество совсем других, хотя и пересекающихся, проблем с исламом. В Российской Федерации более 14 миллионов человек, почти 10 % ее быстро сокращающегося населения, вполне могут быть названы мусульманами, но большинство европейцев не считают их частью европейской проблемы.⁵ В случае с Турцией, страной с почти 70 миллионами мусульман, проживающими в светском государстве, европейцы горячо спорят, должна ли такая большая, преимущественно мусульманская страна, которая не считается частью Европы, в соответствии с традиционными культурными, историческими и географическими определениями, стать членом Европейского Союза. На Балканах много веков существуют общины европейских мусульман, насчитывающие более 7 миллионов человек, а также одна почти полностью мусульманская страна — Албания; Косово, которое рано или поздно станет государством с мусульманским большинством; и Босния, слабое государство с множеством мусульман; а также значительные меньшинства в Македонии, Болгарии, Сербии и Черногории.

Эти балканские мусульмане — старые европейцы, и они вовсе не являются иммигрантами в Европе. Но, как и турки, они действительно являются частью мусульманских иммигрантских меньшинств в западноевропейских странах, вроде Германии, Франции и Голландии. В течение ближайших десяти лет большинство балканских мусульман, скорее всего, станут гражданами Европейского Союза: либо их государства войдут в состав ЕС, либо они получают гражданство в других странах-членах ЕС. Отсутствие какого-либо ответа Западной Европы на сербское и — в меньшей степени — хорватское преследование боснийских мусульман вызвало в 1990-х годах широкое ощущение того, что мусульмане являются жертвами в Европе.

4. Jonathan Laurence and Justin Vaisse, *Integrating Islam: Political and Religious Challenges in Contemporary France* (Brookings Institution, 2006).

5. Оценки численности российских мусульман заметно варьируются от 3 до 30 миллионов человек. В 2003 году, когда Россия стала членом Организации исламской конференции, Владимир Путин назвал подозрительно круглую цифру в 20 миллионов человек. См. об этом: Edward W. Walker, «Islam, Territory, and Contested Space in Post-Soviet Russia,» *Eurasian Geography and Economics*, Vol. 46, No. 4 (2005), pp. 247–271. Я признателен за эту ссылку Джону Данлопу.

О том, что западноевропейцы (и американцы) совершили военное вмешательство в Косово, чтобы помешать начатому геноциду мусульман-албанцев христианами-сербами, вспоминают реже.

Когда люди говорят о «мусульманской проблеме Европы» вообще, они обычно думают о более чем 15 миллионах мусульман из семей иммигрантского происхождения, которые теперь живут в западно-, северо- и южно-европейских странах-членах ЕС, а также в Швейцарии и Норвегии. (Их численность в новых центрально- и восточноевропейских странах-членах ЕС, вроде Польши, ничтожна). Хотя подсчеты осложняются тем, что французская республика, будучи в теории безразличной к цвету кожи, религии и этническому происхождению, не имеет реалистичной статистики, скорее всего, во Франции проживает около 5 миллионов мусульман, то есть до 8 % всего ее населения. Около 4 миллионов — в основном, турок — проживает в Германии и почти 1 миллион — более 5 % всего населения — в Голландии.

Большинство из них живет в городах и отдельных районах городов, вроде района вокруг Сен-Дени, где находятся самые неблагополучные кварталы предместий Парижа. По некоторым оценкам, каждый четвертый житель Марселя мусульманин. В своей превосходной новой книге «Убийство в Амстердаме» Ян Бурума приводит данные официальной статистики, согласно которым почти 45 % жителей Амстердама в 1999 году имели иностранные корни, и по прогнозам, к 2015 году эта цифра должна увеличиться до 52 %, причем большинство из них будут составлять мусульмане. Кроме того, у мусульманских иммигрантов показатели рождаемости выше, чем у «коренного» европейского населения. Согласно одному из исследований, более 15 % французского населения в возрасте от 16 до 25 лет являются мусульманами.⁶

Так что с продолжением иммиграции, сохранением высоких показателей рождаемости и перспективой расширения ЕС на Балканы и, возможно, в Турцию мусульман среди граждан ЕС будет становиться все больше. В различных городах Британии, Франции, Германии, Италии, Испании и Голландии они будут составлять от 20 до 90 % населения. В большинстве своем они будут молодыми; многие из них будут бедными, плохо образованными, безработными и отчужденными (не считая своим домом ни место, где они живут сейчас, ни страны, из которых прибыли их родители); и им трудно будет устоять перед соблазном стать наркоманами, преступниками или политическими и религиозными экстремистами.

И если нам — за неимением более подходящего слова — традиционным европейцам, удастся переменить сложившуюся ситуацию и помочь людям, вроде Абдельазиза и его детей, чувствовать себя здесь как дома, новыми мусульманскими европейцами, они смогут стать источником культурного обогащения и экономического динамизма, способного ослабить бремя быстро стареющего населения Европы. Если нам этого сделать не удастся, нас будет ждать еще больше взрывов.

6. См. об этом: Timothy M. Savage, «Europe and Islam: Crescent Waxing, Cultures Clashing,» *The Washington Quarterly*, Vol. 27, No. 3 (Summer 2004), pp. 25–50.

Ян Бурума — полуголландец, полубританец и полный космополит — имел превосходный замысел: вернуться в свою родную Голландию, чтобы найти причины и понять значение убийства Тео ван Гога, кинорежиссера и провокационного критика мусульманской культуры, двадцатилетним голландцем марокканского происхождения по имени Мохаммед Буйери 2 ноября 2004 года. Приехав на велосипеде, Буйери выстрелил в Ван Гога на оживленной улице, затем вынул тесак и перерезал ему горло, «словно покрывку», по словам одного из свидетелей. Он воспользовался еще одним ножом, чтобы приколоть к груди ван Гога длинную, хаотичную записку с призывом к священной войне против всех неверных и убийству множества ненавистных ему людей, среди которых первым было указано имя голландского политика сомалийского происхождения Айаан Хирси Али (ей и была адресована записка). Ван Гог вместе с Али снял короткометражный фильм «Покорность», в котором было показано угнетение женщин в некоторых мусульманских семьях: на полуобнаженные тела молодых женщин проецировались цитаты из Корана по мере того, как они рассказывали свои истории жестокого обращения с ними. Записка Буйери заканчивалась словами:

Я точно знаю, что ты, Америка, падаешь.
Я точно знаю, что ты, Европа, падаешь.
Я точно знаю, что ты, Голландия, падаешь.
Я точно знаю, что ты, Хирси Али, падаешь.
Я точно знаю, что ты, неверующий фундаменталист, падаешь.

Вопрос, который занимает Бурума в «Убийстве в Амстердаме», необычайно ярком и умном сочетании эссе и репортажа, звучит так: что же произошло с терпимой, цивилизованной страной, которую я помню из детства? (Он покинул Голландию в 1975 году в возрасте двадцати трех лет). Что случилось с землей Спинозы и Йохана Хейзинги, который в своем эссе 1934 года писал, что если голландцы когда-то и станут экстремистами, то это будет умеренный экстремизм? Убийство ван Гога, пишет Бурума, было «концом сладкой мечты о терпимости и свете в самом прогрессивном маленьком анклав Европы». Тем не менее его ответ, по-видимому, отчасти состоит в том, что реальность всегда отличалась от мифа голландской терпимости, если взглянуть, например, на отношение к евреям во время и после войны. И он приводит примечательное высказывание Фрица Болкестейна, ведущего голландского политика и бывшего европейского комиссара: «Не стоит недооценивать степень ненависти, которую голландцы испытывают к марокканским и турецким иммигрантам». Заметим, не к «мусульманам», а к иммигрантам из различных мест.

Теперь Бурума возвращается в зеленые пригороды его детства (постоянно повторяются слова «зеленый» и «весь в листе»), разговаривая с интеллектуалами и теми, кого он иронично называет «друзьями Тео», выслушивая их объяснения того, почему голландская модель мультикультурализма с отдель-

ными «столпами» для каждой культуры потерпела провал. Слишком многим иммигрантам позволили прибыть слишком быстро, и они не достаточно интегрировались в голландское общество лингвистически, культурно или социально. Родители прибыли в Голландию, чтобы трудиться как те, кого немцы называют гастарбайтерами, но их дети остаются без работы.

Что касается отношения голландцев к исламу, Бурума утверждает, что люди, вроде антииммигрантского популистского политика Пима Фортейна, были так недовольны мусульманским возвращением религии в публичный дискурс, потому что они сами едва «болезненно освободились от жестких ограничений своих собственных религий», будь то католическое или протестантское христианство. Нечего и говорить об отношении мусульман к гомосексуалистам (Фортейн был геем) и женщинам. Когда его спросили о том, почему он так враждебен к исламу, Фортейн сказал, что у него «нет никакого желания вновь проходить историю эмансипации женщин и гомосексуалистов». Как и ван Гог, Фортейн так же был убит в голландском стиле человеком, приехавшим на велосипеде, хотя его убийца не был мусульманином. Ван Гог восхищался Фортейном; на самом деле, пишет Бурума, режиссер сделал «хичкоковский триллер» об убийстве Фортейна, когда его самогo убил Буйери.

Реакция людей, вроде Фортейна и ван Гога, вполне понятна нам, немусульманским европейцам или — шире — представителям Запада. Но на самом деле нам нужно понять и другое: опыт мусульманских иммигрантов и их потомков. Был ли убийца Мохаммед Буйери одиночкой-сумасшедшим. или это симптом более серьезного недуга? Ответ не обнадеживает. Буйери происходит из тех, кого я называю «межеумочными людьми»: тех, кто не чувствует себя дома ни в европейских странах, где они живут, ни в странах, из которых приехали их родители. Они обитают в «тарелочных городах», связываясь со странами происхождения их родителей при помощи спутниковых тарелок, принимающих марокканские или турецкие телеканалы, Интернета и мобильных телефонов. В отличие от большинства мусульманских иммигрантов в Соединенных Штатах, многие из них приезжают «домой» каждое лето — в Марокко, Алжир, Турцию или другие страны близ европейских границ, иногда на несколько месяцев кряду. В своих европейских домах второе поколение часто разговаривает на местном языке — голландском, французском, английском — со своими братьями или сестрами и на родном языке — берберском, арабском, турецком — со своими родителями: «пятьдесят на пятьдесят», как сказал Буруме один берберо-марокканский голландец. Бурума спросил, за какую футбольную команду он болеет? За Марокко! А какой паспорт он предпочитает иметь? Голландский!

Почти все молодые люди, которых я встречал в бунтарских предместьях Парижа, рассказывали похожие истории межеумочной жизни: об идиллическом летнем времени, проведенном в деревнях у их бабушек и дедушек в Алжире и Тунисе; о расщепленной лояльности, проявляющейся при ответе на вопрос «За какую футбольную команду ты болеешь?» «За Алжир!» — так говорили мне выходцы из Алжира, и матч между Алжиром и Франци-

ей в 2001 году перерос в отвратительные беспорядки. Но когда француз алжирского происхождения Зинедин Зидан стал капитаном французской команды на Кубке мира, они болели за Францию.⁷ «В Марокко я эмигрант, во Франции я иммигрант», — говорил Абдельазиз Ильяхари.

Культурно они переживают раздвоение личности. И дезориентация не ограничивается только культурой. Бурума встречался с психиатром, специализирующимся на психических проблемах иммигрантов. Женщины (и мужчины из первого поколения иммигрантов) обычно страдают от депрессии; мужчины из второго поколения — от шизофрении. Согласно его исследованию, у марокканского мужчины из второго поколения вероятность стать шизофреником в десять раз выше, чем у коренного голландца, занимающего такое же социально-экономическое положение.

Мохаммед Буйери был одним из тех представителей второго поколения голландцев берберо-марокканского происхождения, у которого съехала крыша. Он ходил в голландскую школу, названную в честь художника Пита Мондриана, говорил на голландском, выпивал, покуривал травку, имел связь с полуголландкой / полутуниской. Его притягивали западные девушки, но он взбесился, когда его сестра нашла себе парня по имени Абду. Добрачный секс подходил для него, но не для нее. Традиционно важная честь семьи считалась безнадежно запятнанной в глазах его марокканской мусульманской общины, когда чья-то дочь или сестра имела секс до брака. Буйери напал на Абду с ножом и получил тюремный срок. Его мать умерла от рака груди. Мохаммед отвернулся от того, что он теперь начал считать вырожденческим европейским образом жизни. Он отрастил бороду, начал носить марокканскую джеллабу и попал под влияние радикального такфирского проповедника из Сирии. Он выкладывал исламистские трактаты в Сети и смотрел записи того, как священные воины на Ближнем Востоке режут горло иностранцам-неверным.

1 ноября 2004 года Мохаммед Буйери провел тихий вечер с друзьями. Они прогулялись, слушая коранические богослужения через наушники цифровых плееров. Мохаммед заметил, как прекрасно выглядит вечернее небо. На следующий день он встал в полшестого утра, помолился Аллаху, а затем поехал на велосипеде убивать ван Гога. Он явно собирался покончить с собой в последующей перестрелке с полицией.

История Буйери удивительно похожа на истории некоторых участников терактов в Лондоне и Мадриде и членов гамбургской ячейки аль-Каиды, сыгравших главную роль в нападении на Нью-Йорк 11 сентября 2001 года. Они точно так же сначала упивались современной европейской светской культурой в ее нидерландском, немецком, испанском или британском изводе, со всеми соблазнами сексуальной вседозволенности, наркотиков, алкоголя и расового

7. До последних минут финального матча Кубка мира я надеялся, что блестящая и дисциплинированная игра Зидана как капитана французской команды послужит вдохновляющим примером для миллионов французских мусульман. Но затем его удар головой в грудь белого (и вероятно, католика) итальянского защитника Марко Матерацци послужил совсем другим примером для европейских мусульман.

смешения, а затем возненавидели ее; они страдали, оттого что им приходилось разрываться между двумя странами, но ни в одной из них не чувствовали себя как дома; они попали под влияние радикальных имамов и исламистских материалов из Интернета, аудиозаписей или видеокассет и DVD; они считали мусульман всего мира жертвами, слыша страшные истории из Боснии, Чечни, Палестины, Афганистана и Ирака; небольшой круг единомышленников только укреплял решимость и веру в то, что им уготовано стать мучениками. Такие случаи самоубийственных действий не имеют никакого отношения к подавляющему большинству мусульман, мирно живущих в Европе; но они, несомненно, служат крайними и исключительными симптомами куда более широкого отчуждения детей мусульманских иммигрантов в Европе. Их болезнь ума и сердца в крайней форме показывает патологию межуточных людей.

3

Одну из глав своей книги Бурума посвятил Аяан Хирси Али и «Покорности», фильму, который она сняла с Тео ван Гогом и в котором рассказывалось о жестком обращении с мусульманками. История самой Али рассказана в бесчисленных биографических очерках и интервью. На самом деле она представляет собой идеальный материал для журналистов: высокая, необычайно красивая, экзотичная, смелая и откровенная женщина с удивительной судьбой, которая теперь вынуждена жить в страхе, что ее могут зарезать, как и ван Гога. Среди многочисленных премий, перечисленных на обложке ее нового сборника статей «Запертая девственница», наряду с Премией за моральную смелость, призом Международной сети либеральных женщин за свободу, званием Голландец (*sic!*) года, *Coq d'Honneur* 2004 и Датского приза за свободу, указано звание Героя месяца журнала *Glamour*. Это и нравится нам в наших героях — гламурность. Не будет неуважением к Али сказать, что, если бы она была невысокой косоглазой толстушкой, ее история и взгляды могли бы и не привлечь к себе такого внимания.

Пока обе рецензируемые книги были в печати, вокруг нее разразился новый скандал. Бескомпромиссный голландский министр иммиграции Рита Вердонк аннулировала голландское гражданство Али после «разоблачительного» репортажа, показанного на голландском телевидении, о том, что при подаче прошения о предоставлении политического убежища в Нидерландах в 1992 году она указала ложные сведения о себе. (На самом деле Али рассказывала эту историю уже много раз; когда Бурума сказал ей, что в британской бульварной прессе говорят, что она была фиктивным беженцем, она ответила: «Да, так и есть»). Жесткое решение министра вызвало бурю протеста в голландском парламенте, где Аяан Хирси Али была представителем от той же партии, что и Вердонк. Вердонк вынуждена была отменить свое решение, и в результате коалиция, сформировавшая голландское правительство, распалась. Но дело было сделано. Али заявила об уходе из голландского парламента и о своем намерении перейти на работу в американский Институт предпринимательства в Вашингтоне.

После прочтения многочисленных интервью с ней и официального и неофициального общения одним из вечеров в Лондоне я не могу скрыть своего огромного уважения к ее смелости, ее искренности и ее чистоте. Это не значит, что нужно соглашаться со всеми ее взглядами. Американское издание «Запертой девственницы» снабжено подзаголовком «Призыв к эмансипации женщин и ислама». Правильнее было бы назвать книгу призывом к эмансипации женщин от ислама. Она рассказывает жуткие и реальные истории угнетения и жестокого обращения с молодыми женщинами в некоторых семьях мусульман-иммигрантов в Европе, основываясь на своем опыте сначала переводчика, а затем и политика. Некоторые из этих молодых женщин вынуждены выходить замуж за мужчин против своей воли — она использует термин «организованное изнасилование». Другие страдают от мужей, отцов или дядек. Если они пытаются уйти или начинают встречаться с парнем, их запугивают, избивают или даже убивают для «очищения» чести семьи. Али пишет, что за семь месяцев в 2004–2005 годах только в двух полицейских участках было одиннадцать таких убийств мусульманских девочек.

Маленькие девочки из стран, вроде Сомали, подвергаются тому, что эвфемистически называется «женским обрезанием», — процедуре, которую она описывает как «вырезание клитора и больших и малых половых губ девочки, а также царапанье стенок влагалища острым предметом — осколком стекла, лезвием или ножом для чистки картофеля, — а затем связывания ног вместе, чтобы стенки влагалища могли срастись друг с другом». Али справедливо называет это не «женским обрезанием», а «калечением гениталий». (Она сама подверглась этой чудовищной процедуре по решению своей сомалийской бабушки). И она написала волнующий и очень полезный текст под названием «Десять советов мусульманкам, которые хотят уйти», подготавливающий их к шоку, боли и возможной опасности ухода из мусульманской семьи.

Али делает большое дело, привлекая наше внимание к этим ужасам, которые являются мрачной изнанкой якобы терпимого «мультикультурализма». Но некоторые женщины возражают против возложения ответственности за их притеснение на ислам, а не на определенные национальные, региональные и племенные культуры, из которых они происходят. (Али и сама признает, что о калечении гениталий в Коране ничего не сказано). Бурума рассказывает о показанной по телевидению встрече с женщинами из голландского приюта для жен и дочерей, во время которой часть из них выступила резко против фильма «Покорность». «Вы просто оскорбляете нас! — восклицала одна из этих женщин. — Моя вера поддерживала меня». По словам Бурума, она просто отмахнулась от этих возражений. Мусульманской культуре, пишет Али, нужно нечто вроде «Жития Брайна по Монти Пайтону», снятого арабским Тео ван Гогом с пророком Мухаммедом в качестве главного героя. (Вероятно, эти слова были написаны до убийства ван Гога, так как голландское издание этой книги вышло в 2004 году). Она вспоминает, что для нее определяющую роль сыграло прочтение книги под названием «Атеистический манифест». Она также черпала свое вдохновение в эссе

Джона Стюарта Милля «О подчинении женщины». «Я призываю поставить под сомнение основные принципы» Ислама, — говорит она. И на последней странице своей книги она делает вывод, что «первыми жертвами Мухаммеда являются умы самих мусульман. Они боятся ада и естественного стремления к жизни, свободе и счастью».

Испытав соблазн исламского фундаментализма под влиянием школьного учителя, Айаан Хирси Али теперь является храбрым, открытым и несколько наивным просвещенческим фундаменталистом. В соответствии с законом, известным историкам политической интеллигенции, она перешла от одной крайности к другой с эмоциональным пылом, превосходно описанным Шекспиром: «Как ересь кажется всего гнусней / Заблудшим людям, погрязавшим в ней». Именно поэтому она стала героем для многих светских европейских интеллектуалов, которые сами являются просвещенческими фундаменталистами. Они полагают, что не только ислам, но и религия вообще оскорбительна для разума и наносит вред человеческому духу. Большинство из них полагает, что Европа, опирающаяся исключительно на светский гуманизм, — это лучшая Европа. Может, они правы. (Некоторые из моих лучших друзей — просвещенческие фундаменталисты). Может, они ошибаются. Но не будем делать вид, что это что-то иное, чем просто лобовое наступление на ислам. В своей безумной диатрибе Мохаммед Буйери не слишком ошибся, назвав своим главным врагом «неверующего фундаменталиста».

Сейчас в Европе каждый волен высказывать такие атеистические или агностические идеи, не опасаясь преследования, запугивания или цензуры. Я считаю глубоко постыдным для Голландии и Европы, что мы, европейцы, не смогли удержать среди нас такого человека, как Айаан Хирси Али, которая собиралась бороться за лучшую Голландию и лучшую Европу. Но я не верю, что она предлагает выход для большинства мусульман в Европе, по крайней мере, не на долгосрочную перспективу. Политика, основанная на ожидании, что миллионы мусульман внезапно оставят веру своих отцов и матерей, просто нереалистична. Если послание, которое они получают от нас, заключается в том, что необходимым условием европейскости является отречение от религии, то они не захотят быть европейцами. Для светских европейцев требовать от мусульман, чтобы они признали своей верой светский гуманизм, было бы почти столь же нетерпимым, как и исламское джихадистское требование, чтобы мы приняли ислам. Но, возразят просвещенческие фундаменталисты, наша религия основывается на разуме! Отлично, ответят они, а наша основывается на истине!

ПОЛИТИКА, ОСНОВАННАЯ
НА ОЖИДАНИИ, ЧТО МИЛЛИОНЫ
МУСУЛЬМАН ВНЕЗАПНО ОСТАВЯТ
ВЕРУ СВОИХ ОТЦОВ И МАТЕРЕЙ,
ПРОСТО НЕРЕАЛИСТИЧНА

Голландские истории Тео ван Гога, Айаан Хирси Али и Мохаммеда Буйери — это всего лишь небольшой фрагмент большого и сложного полотна Европы и ислама. Если мы зададим себе вопрос «что делать?», ответом должно стать: много всего, но в разных местах по-разному. Мы должны быть лисами, а не ежами, вспоминая известный отрывок из Архилоха, использованный Берлиным: «Лиса знает много вещей, а еж — одну, но важную». Вопреки визгливым ежам с канала *Fox News*, мы должны и дальше настаивать, что это вовсе не одна большая война с террором, в которой хорошие парни обязательно должны уничтожить плохих.

Бурума справедливо указывает на культурное разнообразие мусульманских иммигрантов: берберы с Рифских гор совсем не похожи на марокканцев из низин; турки адаптируются иначе, чем сомалийцы, не говоря уже о пакистанцах в Великобритании. В XIX веке европейские империалисты изучали этнографию своих колоний. В XXI веке нам необходима новая этнография наших собственных городов. Поскольку европейские страны обычно привлекают иммигрантов из своих бывших колоний, новая этнография может даже опереться на старую. В то же время британский, французский, голландский и немецкий способы интеграции — или неинтеграции — заметно варьируются и имеют свои сильные и слабые стороны. То, что работает, скажем, для пакистанских кашмирцев в Брэдфорде, вероятно, не будет работать для берберских марокканцев в Амстердаме, и наоборот.

Мы должны решить, что в нашем европейском образе жизни не обсуждается, а что требует обсуждения. Например, я считаю морально неоправданным и политически глупым настаивание французского государства на том, что взрослые женщины не могут носить хиджаб в официальных учреждениях — еще один источник недовольства французских мусульман, как я не раз слышал от женщин в кварталах близ Сен-Дени. Запрет французской республики носить хиджаб для взрослых женщин кажется мне столь же нежелательным, как и требование исламской республики Иран носить хиджаб, причем на одном и том же основании: в свободном и современном обществе взрослые мужчины и женщины должны быть свободны носить то, что им хочется.⁸ Вообще-то у Франции и без того немало трудностей в отношениях со своим мусульманским населением, чтобы создавать себе еще и новые.

С другой стороны, важна и свобода самовыражения. Сейчас ей угрожают люди, вроде Мохаммеда Буйери, которые говорят людям, вроде Айаан Хирси Али: «если ты это скажешь, я тебя убью». И Бурума говорит нам, что Буйери объяснил суду, что божественный закон не позволял ему «жить в этой или любой другой стране, где дозволена свобода слова». (В таком случае, поче-

8. Подчеркну, что речь идет именно о взрослых женщинах. Утверждают, что благодаря запрету на ношение хиджаба в школе девочки-подростки могут почувствовать себя свободными от родительского, общественного или религиозного давления. Но тогда как насчет прав девочек-подростков, которые могут свободно выбирать, носить им платок или нет?

му бы не вернуться в Марокко?) Но свободе слова угрожает также политика умиротворения, проводимая европейскими правительствами, которые пытаются ввести цензуру во имя межкультурной гармонии. Тревожным примером служит первоначальное предложение британского правительства о принятии закона против разжигания религиозной ненависти. Здесь мы имеем дело с разновидностью мультикультурализма, которая заявляет: «Вы уважайте мое табу, а я буду уважать ваше». Но если собрать вместе табу всех культур в мире, не о чем будет свободно говорить.

Опытная полиция и разведка, работающие над поимкой потенциальных террористов прежде, чем они начнут действовать (так, по-видимому, и сработала британская полиция и спецслужбы 10 августа 2006 года), важны не только для спасения жизней потенциальных жертв. Они важны еще и потому, что каждое террористическое нападение, совершенное от имени Аллаха, только усугубляет взаимное недоверие между мусульманскими и немусульманскими европейцами. Одна молодая голландка марокканского происхождения сказала Беруме, что перед нападениями на Нью-Йорк 11 сентября она была «просто Норой. Потом внезапно я стала мусульманкой». Для противодействия этой опасности необходимо также более пристальное наблюдение за воинственными исламистскими имамами, которые всегда способствуют радикализации молодых европейских мусульман.

С другой стороны, европейские экономические системы должны создавать больше рабочих мест и гарантировать, что мусульмане смогут честно бороться за их получение. Недавно проведенные опросы показали, что наибольшее беспокойство у мусульман в Великобритании, Франции, Германии и Испании вызывает именно безработица. Учитывая необходимость времени для создания рабочих мест в Европе, жесткое соперничество с недорогой и квалифицированной рабочей силой в Азии и отголоски ксенофобской дискриминации во многих европейских странах, это проще сказать, чем сделать. Жилищные условия — еще один важный источник недовольства. Но попытка исправления ситуации при помощи государственных расходов станет дополнительным бременем для и без того перегруженного бюджета; если же это будет делаться за счет «коренного» населения, это может привести к росту числа голосов, отдаваемых за популистские антииммигрантские партии.

Проблема Европы с ее мусульманами иммигрантского происхождения, патологией межеумочных людей никуда бы не исчезла, даже если бы существовало независимое и процветающее палестинское государство, и если бы Соединенные Штаты, Великобритания и некоторые другие европейские страны не вторглись в Ирак. Но нет никаких сомнений в том, что палестинская проблема и Ирак только укрепили у европейских мусульман чувство глобальной жертвы. Это особенно видно по личным историям исполнителей терактов в Мадриде и Лондоне. Во время недавнего опроса британского телевизионного канала *Channel 4* почти треть респондентов среди молодых британских мусульман согласилась с утверждением, что «июльские взрывы [в Лондоне] были оправданными, так как Британия поддержала войну

с террором».⁹ Создание работающего палестинского государства и вывод западных войск из Ирака, по крайней мере, смогут устранить два дополнительных источника недовольства. Нападение на еще одну мусульманскую страну, вроде Ирана, только усилит его.

В отношениях с исламом как с религией имеет смысл поддерживать те версии ислама, которые совместимы с основными принципами современной либеральной и демократической Европы. И здесь можно опереться на исламских реформаторов, вроде Тарика Рамадана — еще одну спорную фигуру, которой не доверяют Айаан Хирси Али, французские левые и американские правые, но которая вдохновляет многих молодых европейских мусульман. Рамадан утверждает, что, правильно понятый ислам не противоречит демократической Европе. Если противники «Евразии» говорят, что «больше мусульманских европейцев — значит больше террористов», то Рамадан утверждает, что чем больше мусульманских европейцев, тем меньше вероятность того, что они станут террористами. Мусульманских европейцев в смысле людей, которые — в отличие от Мохаммеда Буйери, Тео ван Гога и, я подозреваю, Айаан Хирси Али, — верят, что можно быть хорошим мусульманином и хорошим европейцем.¹⁰

В конце концов, этот вызов в равной степени касается и европейских обществ, а не только правительств. Значительная часть дискриминации во Франции, например, является следствием решений отдельных предпринимателей, которые действуют вопреки государственной политике и законам страны. И именно от личных установок и действий сотен миллионов немусульманских европейцев в бесчисленном множестве мелких повседневных ситуаций зависит, будут их мусульманские соотечественники чувствовать себя в Европе как дома или нет. И, конечно, здесь также важен личный выбор миллионов мусульман и пример, который подадут их духовные и политические лидеры.

Насколько европейцы готовы ответить на этот вызов? Не слишком. Можно ли еще что-то сделать? Да. Но до полуночи осталось пять минут — и мы выпиваем в салуне «Последний шанс».

Перевод с английского Артема Смирнова

9. Об этом и об отчуждении молодого поколения британских мусульман см. мою колонку в *The Guardian*, August 10, 2006.
10. Это краткое изложение позиции Рамадана основывается на его выступлениях во время пребывания в Колледже св. Антония в Оксфорде, приглашенным научным сотрудником которого он стал на два следующих академических года (он прикреплен одновременно к Центру европейских исследований и к Центру Ближнего Востока). Острые споры вокруг него привели к тому, что он стал чувствовать себя неуютно во франкоязычной Европе, и отказу в предоставлении ему американской визы для занятия профессорской должности в Университете Нотр-Дам. Систематическое изложение его взглядов на исламское право и юриспруденцию см.: Tariq Ramadan, *To Be a European Muslim: A Study of Islamic Sources in the European Context* (Leicester: The Islamic Foundation, 1999).